

трансформация, присутствующая в сказках. Подобная картина наблюдается и в остальных типологических группах; 3) актуализация архетипических смыслов разным набором смысловых составляющих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозерова Н. Н. Функционирование романного пространства (этнографические аспекты) // <http://irgf.utmn.ru/journal/№5/journal.htm>
2. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии [Текст] // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79-95.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология [Текст]. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 208 с.
4. Нефедова Л. А. Когнитивно-деятельностный аспект имплицативной коммуникации [Текст] / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2001. 151 с.
5. Седых А. П. Языковое поведение, конвенциональная семантика и национальные архетипы [Текст] // Филологические науки. 2004. № 3. С. 51-56.
6. Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики [Текст]. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 152 с.
7. Юнг К. Г. Об архетипах бессознательного [Текст] // К. Г. Юнг. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание: Сб. М.: «Олимп»; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. С. 248-290.
8. Колесов В. В. Язык и ментальность [Текст]. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
9. Пищальникова В. А. Проблема смысла поэтического текста. Психолингвистический аспект [Текст]: Дис. ... доктора филол. наук. Барнаул, 1992.
10. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры [Текст]. М.: Академ. проект, 2001. 989 с.
11. Сказки: Кн. 2 [Текст] / Сост., вступит. ст., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова. М.: Сов. Россия, 1989. 576 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов [Текст] / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
13. Айтматов Ч. Т. Плаха [Текст]: Роман. М.: Мол. гвардия, 1987. 302 с.

*Екатерина Викторовна ДЕМИДОВА —
старший преподаватель кафедры прикладной
лингвистики и информационных технологий
образования Пермского государственного
технического университета*

УДК 81-114.2

ФАКТОРЫ АНАЛИЗА ЗВУКООБРАЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ПРОБЛЕМА ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме анализа звукообраза, трактуемого как интегральное энергосмысловое образование. Рассматриваются основные факторы анализа звукообраза — частотность звуков, звуковые повторы, благозвучие и принципы организации звукообраза.

The article is devoted to the problem of analysis of sound image treated as integral semantic unit possessing textual energy. The main factors of analysis of sound image (sound frequency, sound repetitions, euphony, principles of sound image formation) are described.

Понятие звукообраза довольно часто используется при анализе поэтического текста, но остается не вполне изученным. Для целей нашего исследования наиболее приемлема трактовка звукообраза носителя поэтических смыслов как единицы поэтического текста, которая обладает определенными энергосмысловыми свойствами и возникает вследствие синергии (слияния) первичной и приращенной звуко-смысловых энергий.

Исходя из концепции «внутренней жизни» (энергожизни) текста [1], понятие текстовой энергии связываем с явлением смыслового движения. Звуко-смысловую энергию определяем как движение смыслов, обусловленное энергосмысловыми свойствами звуков, и различаем первичную и приращенную звуко-смысловые энергии. Энергосмысловые свойства звуков обусловлены, по нашему мнению, «смысловой загруженностью» звуковой субстанции.

С одной стороны, смысловая загруженность возникает из-за наличия у звуков ассоциативно-синестетических характеристик (коррелятов), о чем свидетельствуют данные фоносемантики [2; 3 и др.] и высказывания поэтов и писателей об «окрашенности» звуковой субстанции. Изучение литературы позволило нам выделить три группы ассоциативно-синестетических коррелятов звуков языка — *физические корреляты* (связаны с физическими свойствами или процессами), *психические корреляты* (носят эмотивно-оценочный характер) и *цветовые корреляты*. Взаимодействие этих видов коррелятов ведет к становлению первичной звуко-смысловой энергии.

С другой стороны, смыслонасыщенность звука обусловлена *семантизацией* звуковой субстанции, т. е. таким влиянием лексического уровня на звуковую, при котором звуки «окрашиваются» значениями слов, в рамках которых они встречаются. Влияние смысловой субстанции на звуковую неоднократно отмечалось исследователями звуковой формы поэтического текста [4; 5; 6; 7 и др.]. По нашим данным, в результате семантизации происходит приращение звуко-смысловой энергии (т.е. возникает приращенная звуко-смысловая энергия).

При анализе динамики звукообраза считаем необходимым учитывать ряд факторов, которые активизируют первичную и приращенную звуко-смысловые энергии, а именно: частотность звуков в тексте, повторы звуков, наличие благозвучия / неблагозвучия и принципы организации звукообраза.

Первый фактор, важность которого подчеркивается во всех известных нам исследованиях звуковой формы — частотность звуков. Отметим, что большинство авторов уделяют внимание именно повышенной (по сравнению с нормой) частотности, т.к. она эксплицирует звуковую семантику [2; 8] и делает звуки структурно активными [6]. Можно выделить два подхода к оценке повышенной частотности. Первый сводится к статистическому учету частотностей, превышающих норму. Данный подход выступает основой вычисления фонетического значения текста в методике А.П. Журавлева [2] и является ключевым моментом при определении тембра эмоционально-выразительных вокализаций в исследовании Е.Н. Винарской [8]. В нашем исследовании статистический подсчет частотностей является одним из средств определения потенциала первичной звуко-смысловой энергии, т.к. повышенная частотность того или иного звука (звукотипа) может привести к «нагнетанию» определенного ассоциативно-синестетического коррелята и к аккумуляции первичной звуко-смысловой энергии.

Согласно второй точке зрения, частотность важна не сама по себе, а как следствие повторов, которые «сращивают» звуковой уровень текста со всеми остальными, в частности, с лексическим и «окрашивают» часто повторяемые звуки смыслами слов, в звуковую форму которых они входят [5; 6; 9 и др.]. Такой подход к учету частотности позволяет проследить процесс семантизации

звуковой субстанции поэтического текста и используется нами при учете приращенной звуко-смысловой энергии.

При анализе динамики звукообраза необходимо также учитывать характер взаимоотношения повышенной и пониженной частотностей. В ряде случаев авторы намеренно прибегают к пониженной частотности как к средству выделения наиболее значимых слов. При этом звуковая форма значимых слов находится в отношении контраста со звуковой субстанцией остального текста. Вслед за Ю. М. Лотманом, рассматриваем данное явление как «структурное неупотребление» и считаем, что пониженная частотность, так же как и повышенная, «может быть средством выделения» [6. С. 71]. Звукообразы, строящиеся на основе структурного неупотребления, не могут исследоваться статистическими методами, т.к. аккумуляция звуко-смысловой энергии в них происходит точечно.

Вторым фактором анализа звукообраза поэтического текста являются звуковые повторы. Во-первых, стоит отметить эвфоническую функцию повторов, т.к. благозвучие (эвфония) и неблагозвучие оказываются значимыми при креации поэтических смыслов.

Во-вторых, повторы активизируют звуко-смысловую энергию, ведущую к креации поэтических смыслов. Активизация первичной звуко-смысловой энергии, по нашему мнению, происходит благодаря наличию «спорадических» повторов (термин Ю. М. Лотмана — Е.Д.), т.е. повторов звуков (звукотипов), рассеянных по звуковой ткани произведения и относительно свободных от лексических или синтаксических парадигм. Приращение звуко-смысловой энергии происходит в рамках «синтаксических» («архитектонических»), «лексических» (термины Т. И. Сильман — Е.Д.) и анаграмматических повторов. Общим для этих видов повторов является тесное взаимодействие смысловой и звуковой субстанций, в результате которого происходит семантизация последней и образование приращенной звуко-смысловой энергии.

Третий фактор анализа звукообраза — это наличие благозвучия / неблагозвучия. В настоящей статье мы не будем останавливаться на критериях благозвучия / неблагозвучия, т.к. они подробно описаны в литературе, отметим лишь, что при изучении данного явления мы опираемся как на акустические, так и на артикуляционные характеристики звуков. Для нашего исследования большое значение имеют функции благозвучия / неблагозвучия в креации поэтических смыслов. По данным исследователей и по результатам нашего анализа, благозвучные строки обычно способствуют передаче положительных эмоций лирического героя и отражают красоту описываемых явлений, предметов и т.п. Неблагозвучие нередко подчеркивает сложность и драматизм описываемых событий, явлений, отсутствие в них гармонии, красоты и отражает эмоциональную оценку поэтом изображаемых картин [10]. Согласно нашим результатам, благозвучие характерно для звукообразов положительных поэтических смыслов — *любви, красоты, гармонии, свободы*. Подчеркнутое неблагозвучие сопровождает звукообразы *тоски, несвободы, дисгармонии, агрессии, страха*. Следует, однако, сказать и о том, что исследователи отмечают выразительную, экспрессивную функцию неблагозвучия [10].

Необходимо отметить, что при изучении благозвучия указывается разная степень организованности и гармонизации звуковой субстанции поэтического текста. Высокая степень такой гармонизации, не отличающаяся нарочитостью и воздействующая не столько на сознание, сколько на чувства, а через них и на подсознание, признается «магической», на основе чего исследователи различают магию и собственно благозвучие [11]. С позиций современной науки магическое, а точнее суггестивно-магическое воздействие звуковой субстанции текстов объясняется не только их гармонизированным построением, но и наличием

у звуков ассоциативно-синестетических коррелятов. Роль фонетического значения как «суггестивного фактора» подчеркивалась Л. Н. Мурзиным [12. С. 8-9] и другими исследователями. В нашей терминологии это означает, что в создании магии участвует первичная звуко-смысловая энергия, выраженная максимально имплицитно. Подчеркнутое благозвучие или неблагозвучие эксплицирует звуко-смысловую энергию.

Последним, четвертым, фактором анализа является принцип организации звукообраза. При выделении принципов мы исходили из того, что в основе звукообраза лежит отбор звуков. Изучение работ по лингвистике текста поэтике, психо-поэтике и текстофоносемантике позволило нам выделить четыре принципа звукового отбора и, соответственно, четыре принципа организации звукообраза. Это принципы *звукоподражания*, *образоподражания*, *звукосимволизма* и *анаграммы*. Как показал анализ, организация звукообраза может опираться не на один, а на два и более принципа, однако, в большинстве случаев отмечается доминирование одного из них. Именно доминирующий принцип звукового отбора рассматривается нами как морфологическая основа звукообраза.

Под принципом звукоподражания нами понимается такая организация звукообраза, которая нацелена на условную словесную имитацию звучаний окружающей действительности звуковой субстанцией текста. Такое толкование звукоподражания опирается на воззрения как отечественных, так и зарубежных исследователей [13; 14]. Согласимся с И. Б. Голуб в том, что наибольший стилистический эффект звукоподражание дает в том случае, если звуковое сближение слов подчеркивает их образность, подкрепляет содержание фразы [10].

Образоподражание трактуется нами как воспроизведение звуковой субстанцией тех или иных особенностей действия (моторных характеристик) [15], а также и эмоциональных состояний, физических и психических явлений и т.п. Образоподражание представляет собой сложный механизм, включающий элементы звукоподражания и факторы звукосимволизма. В результате анализа поэтических текстов мы выяснили, что образоподражание — наименее распространенный принцип формирования звукообраза.

При выделении принципа анаграммы мы исходили не из узкой трактовки этого термина [16. С. 20], а из широкой трактовки понятия «анаграмма», характерной для Ю. В. Казарина [5]. Под принципом анаграммы нами понимается нацеленность звуковой формы поэтического текста на воспроизведение (полное либо частичное, фрагментарное) некоторого «ключевого слова», иначе «интерпретанты» — (термин Ю.В. Казарина — Е. Д.), или «слова-темы» (термин Ф. де Соссюра — Е. Д.). Данное слово, являясь ключом к пониманию всего поэтического текста, определяет как смысловое развитие текста, так и развитие звукообраза. Заметим, что, по мнению критиков анаграмматической теории, объективные критерии для определения «ключевого слова» отсутствуют [17. С. 92]. Однако с позиций контрадиктно-синергетического подхода [1] данное возражение снимается, т.к. в качестве ключевого слова может выступать один из функторов. Под функтором, вслед за Н. Л. Мышкиной, понимаем «текстовую единицу, irradiирующую в текстовое пространство множество смыслообразов и проецирующая одни множества элементов на другие множества элементов» [1. С. 137].

Отметим, что анаграмма рассматривается нами как частный случай фонолексических повторов. Это означает, что принцип анаграммы обуславливает приращение звуко-смысловой энергии из-за тесного взаимодействия звуковой и смысловой субстанций. Вслед за А. В. Пузыревым к функциям анаграммы относим: 1) эмотивную функцию; 2) функцию воздействия (внутри нее — волюнтативная, экспрессивная, магическая функции); 3) гносеологическая функ-

ция; 4) эстетическая функция [16. С. 163]. Считаем, что реализация этих функций способствует креации поэтических смыслов.

Четвертый принцип организации звукообраза — принцип звуко-символизма. Особую роль звуко-символизма в поэзии отмечает Р. Якобсон, характеризуя поэзию как ту область, «где внутренняя связь между звучанием и значением из скрытой становится явной, проявляясь наиболее ощутимо». Согласно исследованиям ученого, звуко-символизм в поэзии проявляет себя следующим образом: «Скопление фонем определенного класса (с частотой, превышающей их среднюю частоту) или контрастирующее скопление фонем антитетичных классов в звуковой ткани строки, строфы, целого стихотворения выступает, если воспользоваться образным выражением Э. По, как «подводное течение, параллельное значению»» [18. С. 183-184].

Думается, что в этой характеристике лежит ключ к пониманию звуко-символизма в поэзии. Во многих случаях для изучения звуко-символизма в поэзии используют методику А. П. Журавлева по вычислению фонетического значения [2], основанную на статистическом подсчете частотностей и на данных об ассоциативных характеристиках звуков. Как показал проведенный нами анализ, креация некоторых поэтических смыслов действительно сопровождается повышенной частотностью определенных звуков (звукотипов). Так, для смысла «тоска» свойственно накопление аффрикат и фрикативных звуков. Наиболее частотными звуками, способствующими креации данного смысла, являются *c, c', t, t'* и их сочетания (*ст, ст'*). Однако связь звуковой и смысловой субстанций, основанная на повышенной частотности звуков с определенными коррелятами (созвучными поэтическому смыслу), встречается не так часто. Чаще звуко-символизм выступает в качестве вспомогательного средства креации поэтических смыслов. В этих случаях звуко-смысловая энергия (прежде всего первичная энергия) аккумулируется в определенных точках звукообраза — это могут быть лексические или анаграмматические повторы, звукоподражания или образоподражания — создавая *эманативно-мерцающий* (термин Н. Л. Мышкиной — Е. Д.) звукообраз.

Примечательно, что исследователи звуковой субстанции неоднократно подчеркивали роль звукоподражания, образоподражания, звуко-символизма и анаграммы в формировании связи между звучанием и смыслом поэтического текста [5; 7; 9; 15; 16 и др.]. Опираясь на собственные наблюдения, можем отметить, что реализация этой связи происходит с различной степенью конкретности. Наиболее отчетливой связь между звуковой и смысловой субстанциями является при звукоподражании, менее отчетливой — при образоподражании и анаграмме. Максимально имплицитна данная связь при доминировании звукового символизма. Для нашего исследования данное наблюдение имеет безусловную ценность, т.к. позволяет предполагать, что звуковой отбор определяет степень эксплицитности звуко-смысловой энергии и активизирует различные стороны звуковой символики. В связи с вышесказанным, принципы формирования звукообраза рассматриваются нами не только как принципы структурной организации текста, но и как факторы семантической организации, участвующие в креации поэтического смысла.

Итак, мы рассмотрели основные факторы анализа звукообраза. Учет этих факторов, их взаимодействия в процессе целевого и спонтанного (т.е. незапланированного) смыслового развития текста позволяет описать динамику звукообраза и дает основание рассматривать звукообраз как интегральное энерго-смысловое образование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики [Текст]. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 152 с.
2. Журавлев А. П. Фонетическое значение [Текст]. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 160 с.
3. Прокофьева Л. П. Индивидуальное и универсальное в цветовой символике звука (на основе фоносемантического и психолингвистического анализа поэтического текста) [Электронный ресурс]. <http://www.philol.gsu.ru>.
4. Жирмунский В. И. Поэтика русской поэзии [Текст]. СПб.: Азбука — Классика, 2001. 496 с.
5. Казарин Ю. В. Проблемы фоносемантики поэтического текста: Учебное пособие [Текст]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 172 с.
6. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии [Текст]. СПб.: «Искусство — СПб», 1996. 848 с.
7. Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы [Текст]. М.: Прогресс, 1987. 446 с.
8. Винарская Е. Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии) [Текст]. М.: Высшая школа. 1989. 136 с.
9. Сильман Т. И. Заметки о лирике [Текст]. Л.: Советский писатель, 1977. 223 с.
10. Голуб И. Б. Стилистика русского языка [Текст]. М.: Айрисс-пресс, 2003. 448 с.
11. Виноградов, И. А. Вопросы марксистской поэтики [Текст]. М.: Высшая школа, 1972. 169 с.
12. Мурзин Л. Н. О суггестивно-магической функции языка [Текст] // Фатическое поле языка (Памяти профессора Л. Н. Мурзина): Межвуз. сб. науч. трудов. Пермский ун-т. Пермь, 1998. С. 108-114.
13. Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании (Очерки и извлечения) [Текст]. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1990. 199 с.
14. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст]. М.: Прогресс, 1984. 387 с.
15. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики [Текст]. М.: Смысл, 1997. 287 с.
16. Пузырев А. В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления [Текст]. М.; Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1995. 378 с.
17. Тимофеев Л. И. Слово в стихе: Монография [Текст]. М.: Сов. писатель, 1987. 424 с.
18. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика [Текст] // С. В. Воронин. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1990.